

УДК 821.1

Тюрморезова С.А.

Сургутский государственный педагогический университет

**ЛИРИЧЕСКОЕ ЗВУЧАНИЕ «ТИХОГО ДОНА» М. А. ШОЛОХОВА
В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОКОВ***

S. Tyurmorezova

Surgut State Pedagogical University

**LYRICAL PERCEPTION OF SHOLOKHOV'S "THE SILENT DON"
IN THE EYES OF CONTEMPORARIES**

Аннотация. Предметом настоящей статьи является эмоционально-чувственное воздействие донской эпопеи на лирическое сознание читателей «Тихого Дона». Работа проиллюстрирована свидетельствами современников М.А. Шолохова. Среди них высказывания известных деятелей литературы и искусства: кинорежиссёров, писателей, поэтов, художников, композиторов и музыкантов. Эти высказывания говорят о том, что известный писатель являлся стимулятором художественной энергии для многих своих современников. На основании вышеизложенного автор работы приходит к выводу, что М.А. Шолохов был самобытным и полнокровным лириком, оказавшим мощное воздействие на чувственное восприятие мира современниками.

Ключевые слова: лиризм, лирическое начало, приёмы лирического письма, эмоционально-образное содержание романа.

Abstract. The subject of this article is the emotional impact of Sholokhov's novel "The Silent Don" on the lyrical perception of his contemporaries. The author presents several testimonies of Sholokhov's contemporaries (film directors, writers, poets, artists, composers and musicians) that prove that the author of "The Silent Don" was an original and genuine lyricist, who had a powerful influence on his contemporaries' perceptual world view.

Key words: lyricism, lyrical source, lyrical letter writing techniques, emotional-imaginative contents of a novel.

«Тихий Дон» М.А. Шолохова является одним из вершинных созданий отечественной и мировой эпической литературы, а его автор по праву считается крупнейшим в истории художественной словесности писателем-эпиком. Американский литературовед Дэвид Стюарт в статье «Эпическое построение и смысл в «Тихом Доне»» (1960) утверждал, что «Тихий Дон» – «это эпос в самом прямом значении слова», который «так же, как и эпос Гомера, являет собой воплощение жизни народа и его культуры» [10, с. 268].

В контексте этого безусловно всеобщего убеждения может показаться странным, если не надуманным суждение о том, что Шолохов является одним из наиболее ярких и в определенном смысле непревзойдённых лириков XX-го столетия. Между тем все более углубляющееся исследование центрального создания писателя – эпопеи «Тихий Дон» – вызывает потребность в постижении и этой – лирической – составляющей художественной плоти произведения и поэтической природы дарования его автора.

Речь идёт об активном присутствии в его сочинениях лирического начала, характерного для всего творчества Шолохова в целом, и в особенности для романа «Тихий Дон», который представляет собой особенное явление с точки зрения исследуемой проблемы и является выдающимся образцом литературы, где лирическое начало выступает одним из несущих пластов художественного произведения.

* © Тюрморезова С.А.

Всенародная любовь к роману Шолохова, восхищение и душевная потрясённость первых читателей «Тихого Дона» его страницами были основаны, прежде всего, на чувственном восприятии произведения.

Ю.А. Дворяшин справедливо заметил, что «...на первых порах суждения критиков о естественно-природной основе «Тихого Дона» и «Поднятой целины» имели характер непосредственной эмоциональной реакции...» [7, с. 19].

Ещё не осознавая в полной мере в силу разных причин центральной идеи «Тихого Дона», всей глубины и сложности его содержания, читатели уже в конце 20-х годов испытали на себе потрясающее эмоциональное воздействие донской эпопеи, необыкновенную притягательную силу её страниц.

Русский писатель Е. Пермитин признавался: «Я не просто восхищаюсь творчеством Михаила Шолохова, – я живу им. При чтении шолоховских книг я не видел ни целых страниц, ни отдельных строк и слов – они бесследно исчезали. Перед глазами стояли живые люди во всей их трепетной плоти с большой, яркой любовью и жгучей ненавистью, со страданиями и радостями... Душа неистовой страстности и иступлённой правдивости, большая душа, в которой находили чуткий отклик все боли и радости, думы и чаяния родного народа, раскрылась мне во всём её величии» [20, с. 396-397].

Читателей романа-эпопеи поражало не столько рациональное содержание романа, смысл его идейно-художественной концепции, сколько то, что чувствовалось и угадывалось ими между строк и то, что А. Хватов выразил следующими словами: «Сердце человека верховенствует в романе...» [24, с. 8].

Н. Фортунатов в статье «Образы чувства» в прозе Толстого и Шолохова» пишет, что Толстой ещё в начале своего творчества задумывался о самом трудном в искусстве, о том, чтобы «как-нибудь перелить чувства в другого», чтобы «высказать себя так, чтобы другой понял тебя, как ты сам себя понимаешь» [23, с. 143].

Размышлял над этим и автор «Тихого

Дона»: «Больше всего нужно для писателя, – ему самому нужно, – передать движение души человека» [13, с. 4].

В этом отношении – по глубине искренности и человечности переживаний – Шолохов, по словам Фортунатова, «ярчайший мастер» [15, с. 143].

Не удивительно, что на «сердце человека» в романе первые читатели «Тихого Дона» откликнулись именно сердцем, прежде всего эмоционально-чувственно. Ю.А. Дворяшин в своей книге «М. Шолохов: грани судьбы и творчества» приводит яркие свидетельства современников Шолохова, подтверждающих эту мысль: писателя А. Калинина, известного прозаика И. Шухова и одного из главных руководителей Вёшенского восстания Павла Кудинова.

«Я прочитал первую книгу «Тихого Дона», когда мне было 13 лет. И это было, как ожог на сердце», – писал А. Калинин [7, с. 10].

«Шолохова читал и перечитывал, как говорит, запоем, не отрываясь, без сна и отдыха. Откровенно скажу – читал даже с завистью: вот так бы писать!.. Надо же, такой силищи талант!» – свидетельствовал И. Шухов [7, с. 12].

А вот признание П. Кудинова: «Читал я «Тихий Дон» взахлёб, рыдал, горевал над ним и радовался – до чего же красиво и влюбленно всё описано...» [7, с. 26].

В 1941 году М.А. Шолохову за роман «Тихий Дон» была присуждена Сталинская премия 1 степени. Как свидетельствует стенограмма пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, все участники обсуждения, независимо от своих политических убеждений, идеологических представлений, от своего жизненного опыта, который нередко противоречил сокровенным идеям, воплощенным в произведении, «были покорены художественной силой романа Шолохова» [7, с. 160].

Присутствующие говорили о потрясающей силе его воздействия на читателя. Характерным, отличающимся своей эмоциональной непосредственностью суждением о «Тихом Доне» явилось высказывание члена

Комитета поэта Н. Асеева, который назвал «Тихий Дон» «порочным, но любимым произведением Шолохова» [7, с. 160].

Но подобные чувства испытывали тогда, как и по прошествии десятилетий, миллионы рядовых читателей нашей страны.

«Книга «Тихий Дон» произвела на меня сильное впечатление. Во-первых, это замечательное произведение, которое заставило меня проливать слезы. В начале этой книги есть такие сильные места, что от волнения и слез нельзя было читать. Например: смерть Натальи. Какую грустную и правдивую картину нарисовал нам т. Шолохов! Сколько здесь прекрасного и волнующего, правдивого и скорбного, что женщина не может не плакать. Если бы т. Шолохов собрал все слезы, то он понял бы, какой художественной силы он достиг в этом месте. Я спрашивала у других женщин, которые читали роман, и они признавали, что плакали. Да, тов. Шолохов большой художник!», – писала читательница романа Людмила Николаевна Певецкая в 1938 году [11, с. 255].

По словам Н. Корниенко, для читателя «...без преувеличения, встреча с героями “Тихого Дона” стала сердечным событием и частью его жизни» [11, с. 218].

В работе «...Душою плачешь и смеёшься от души». Письма читателей Михаилу Шолохову, 1933-1938» она пишет: «...основной массив читательских писем о романах Шолохова (нами просмотрено несколько тысяч)... свидетельствует о небывалом по масштабу интересе народного читателя к «Тихому Дону...» [11, с. 218].

Такой же феноменальной силы чувства испытывали читатели «Тихого Дона» не только в нашей стране, но и далеко за её пределами.

О невероятной популярности донской эпопеи, обладающей удивительной силой притяжения в её стране свидетельствует японский литератор Ясуэ Миякава: «Роман «Тихий Дон» переходил из рук в руки. К нему тянулись тысячи и тысячи людей, передавали читать знакомым, товарищам, друзьям – так и зачитали принадлежащий мне экземпляр...» [15, с. 359].

«Если автору удалось объединить, – размышлял над этим феноменом Н. Фортуна-тов, – огромную, пёструю, многоязычную толпу читателей, как это удалось сделать Шолохову, – этих неповторимых индивидуальностей, разных по характерам, своему воспитанию, развитию, вкусам, идеям, которые они исповедуют, – в **единый порыв увлечения книгой** (выделено мною. – С. Т.), значит, поэтическая мысль, высказанная художником, живёт по каким-то общим, единым для всех объективным эстетическим законам, по внутренним законам формы, соответствующим особенностям художественного восприятия, живёт благодаря значительности нравственного содержания, становящегося явлением высокого искусства, потому что мысль автора всякий раз облекается в поэтическую, законченную форму, вызывающую ответный отклик читателя... Художественная ткань рассказов Шолохова поражает... интенсивностью выражения эмоционально-образного содержания, сотканного у него из контрастирующих друг с другом ярких экспрессивных оттенков и красок» [23, с. 145].

Размышляя над секретом обаяния шолоховской прозы – писатель А. Первенцев пишет о том, что она «отвечает глубоким и тонким, органически возникающим под магическим действием писательского мастерства переживаниям» [19, с. 395].

То, что слово Шолохова способно проникнуть в таинственный процесс внутренней жизни человека, при котором и «невыразимое» «подвластно выраженью», и «душу можно рассказать», подтверждают потрясённые талантом чудотворца слова и другие современники писателя, оставившие свои многочисленные отзывы об эмоционально-чувственном воздействии на них его произведений.

Уже первые исследователи «Тихого Дона» отмечали мощное дыхание лирического начала, подчеркивали, что лиризм является одной из главных стихий творчества писателя. Так, Ю.Б. Лукин констатировал, что «Шолохов сочетает эпический строй своего романа с удивительной лиричностью повествования,

передавая тончайшие интимные переживания людей, раскрывая самые сокровенные эмоции» [2, с. 76].

К. Прийма отмечал: «Читая Шолохова, мы не знаем, чем более восхищаться – поэтичностью языка или экспрессией повествования» [21, с. 283].

«Эпос Шолохова, как Бетховен, затронет неизведанные чувства, как Моцарт, изумит, как Верди, взволнует и вызовет восторг, как Шопен, превратит в колосса, будь ты самый немощный человек, как Бизе, выведет на людную площадь, чтоб опьянить любовью, как Чайковский, обласкает и согреет лиризмом, как Палиашвили, очарует и внушит мысль, что прозе, как и музыке, доступно всё...», – восхищался Г. Джигладзе [8, с. 564].

Поразительная поэтическая ёмкость прозы писателя являет собой пример блистательного владения художником слова приёмами лирического письма, что предопределило воздействие его художественного мышления на поэтов-современников.

О влиянии шолоховского слова на их поэтическое мастерство упоминали К. Кулиев, Б. Примеров, Н. Грибачёв, К. Симонов. Балкарский поэт Кайсын Кулиев, которого связывала с М.А. Шолоховым многолетняя и плодотворная дружба, писал о непосредственном влиянии писателя на его поэтическое творчество: «Ни один из писавших о моих скромных книгах... никогда не упоминал о влиянии Шолохова. Это лишь потому, что я писал стихи, а не романы. Однако хочу сегодня с благодарностью признаться, что я много и старательно учился у Михаила Александровича. ... Мне очень понятны и духовно близки горячие натуры Григория Мелехова и Аксиньи Астаховой, их порывы, заблуждения и страдания. Меня поражают могучесть, широта и яркость поэтики несравненной шолоховской эпопеи. ... Взрывы изобразительности у Шолохова ошеломляюще прекрасны» [14, с. 112-113].

Борис Примеров, русский поэт, земляк М.А. Шолохова, утверждал: «... намного раньше знакомства с Есениным я был очарован моим земляком Михаилом Алексан-

дровичем Шолоховым. Я читал и перечитывал «Тихий Дон» запоем. И смею думать, что именно эта книга была моим первым учебником поэзии. Позже меня неоднократно ставили в близость к есенинской традиции, критики видели в «неуёмной образности» и «густой метафоричности» следование «великому песельнику Руси», но догадайся кто-либо из них раскрыть том Шолохова, то увидели бы, как он влиял на меня, как был близок моему мироощущению его захватывающе-стремительный ритм, его самобытно-яростный язык» [22, с. 8].

О силе воздействия произведений Шолохова на его творчество рассказывал Н. Грибачёв: «Такова поразительная сила шолоховского художественного произведения – оно само по себе жило во мне, но жило столь реалистично, что его обязательно хотелось соединить со всем, что видел глаз, до полного совпадения и слияния. Хотя и весьма редко – шли непрерывные бои, времени не хватало и на сон, – однако я всё же пробовал писать стихи, и они тоже окрашивались мотивами романа» [5, с. 177].

В записках Симонова можно прочесть следующее признание: «Мне довелось перечитать «Тихий Дон» в обстоятельствах, врезавшихся в мою память. Шёл август 1941 года. В тот страшный год две книги больше всего дали моей душе. Первой из них была «Война и мир». Второй такой книгой оказался для меня «Тихий Дон». Соединение трагизма его ситуаций с силой выведенных в нём характеров, по преимуществу народных, делало эту трагическую книгу книгой о силе народа, его двухжильной выносливости, бестрепетности перед лицом бед и смертей. Книга, которая оказывается нужной в такие минуты жизни, как тогда, в 1941 году, остаётся потом нужной на всю жизнь как часть тебя самого, сегодняшнего и ещё более тогдашнего.» [17, 309]

Поэт С. Васильев в стихах признавался: «Сколько раз, читая снова, / перечитывая вновь, / я мечтал постичь основу / властных шолоховских слов!» [3, с. 76].

«Читаю и перечитываю Шолохова, и мне, поэту, становится по-хорошему завидно:

в какие глубокие тайны поэтического мастерства проник великий советский прозаик! Упиваюсь звучанием его слов-самоцветов, причудливой вязью его то разящей, беспощадной, то нежданно нежной фразы», – восхищался Э. Межелайтис [16, с. 356].

В 1958 году в библиотечной серии «Огонька» вышла в свет книжка стихов «Родная земля» русского писателя-академика, поэта С.Н. Сергеева-Ценского. Одно из своих стихотворений, посвящённое русскому языку, он попросил прочитать В. Закруткина. «Прослушав стихотворение, поэт спросил:

- А где сейчас Михаил Александрович Шолохов?» – и добавил:

- Вот кто владеет всеми сокровищами русского языка, как полновластный хозяин» [9, 219].

Писатель Лев Пасынков оставил свои воспоминания об А. Бусыгине, начинающем молодом беллетристе, в котором Шолохов, по его словам, «разбудил поэта» [18, с. 387].

Существуют многочисленные свидетельства того, что самобытные шолоховские образы М.А. Шолохова становились стимулятором художественной энергии для многих современников писателя. Среди них свидетельства известных деятелей литературы и искусства: кинорежиссёров, писателей, поэтов, художников, композиторов и музыкантов. Их волновали и тревожили неповторимая красота донского края, удивительные по силе, глубине и совершенству чувства и «очарование» человека, жизнь человеческая во всей её мощи и полноте, открывшиеся в поэтической красоте слова великого художника современности. Вдохновлённые поэтическим гением писателя, они создавали свои собственные лирические произведения искусства.

Прекрасный русский писатель, светлый лирик В. Лихоносов признавался: « Читал я в детстве мало... и мне кажется нынче: если бы не очаровали меня эмигрантские страницы И. Бунина, «Тихий Дон» М. Шолохова, стихи С. Есенина, если бы не благословлявший дорожить мечтательностью и печалью своей души К. Паустовский, то я бы не посмел написать и строчки» [2].

Н.В. Корниенко упоминает о том, что роман Шолохова «Тихий Дон» был любимым произведением сына А. Ахматовой Л.Н. Гумилёва, и, как предполагает она, именно это послужило толчком к возникновению 2-ой главы «Реквиема»: «Тихо льётся тихий Дон...» [12, с. 312-314].

По книгам «Тихого Дона» были поставлены два кинофильма «Тихий Дон» (режиссёры О. Преображенская и И. Правов; реж. С. Герасимов), гениально передавшие мир лирических чувств героев Шолохова, весь драматизм шолоховского повествования, ставшие шедеврами отечественного кинематографа.

Когда С. Бондарчук приступил к экранизации романа «Они сражались за Родину», его спросили, почему он второй раз берётся за шолоховскую прозу, чем привлекает его творчество писателя? Режиссёр ответил: «Помню, как меня буквально потряс появившийся на страницах «Правды» шолоховский рассказ «Судьба человека». Ещё не было сценария, ни даже разговоров о фильме, а я уже знал, что отдам все силы души, всё творческое волнение, чтобы воплотить на экране это глубоко человеческое повествование о людях, прошедших жестокие испытания и не утративших веру в человека, в свет нашей жизни... В прозе Шолохова такая изобразительная драматическая сила, какой владели Рембрандт, Гойя и Суриков» [1, с. 122].

З. Хорошева, исследуя песенно-фольклорный материал на страницах «Тихого Дона» рассказывает о том, что американский композитор и певец Пит Сигер создавая ныне известнейшую на западе песню «Куда исчезли все цветы?», в основу песни «положил принцип построения казачьей народной колыбельной песни «Колода-дуда», с которой он познакомился, прочитав роман М.А. Шолохова «Тихий Дон». «Пит Сигер, – отметила С.М. Шолохова, дочь писателя, – читал книгу моего отца «Тихий Дон», и она нашла отклик в его сердце, дала импульс для написания прекрасной антивоенной песни, которую пели и поют во всём мире не только барды, но и знаменитые вокальные группы, певцы и актёры» [25, с. 181].

В.В. Гура подчёркивал, что «именно «органическое сочетание драматического напряжения и необыкновенной лиричности в «Тихом Доне» вдохновило советского композитора И.И. Дзержинского на создание одноимённой оперы» [6, с. 96-97].

«Следует заметить, – писала М. Ячнева, – что не один И. Дзержинский писал музыку, вдохновляясь шолоховскими произведениями. Композитор М. Магиденко создал оперу «Варина любовь» по мотивам второй книги «Поднятой целины»...

Несколько композиторов написало музыку к фильмам по романам и рассказам Шолохова. А ростовский композитор Л. Клиничев создал музыку балета по мотивам романа «Тихий Дон» [26, с. 240]. Пронзительная лиричность, задушевность, невероятная музыкальность, высокая патетика шолоховского текста вдохновили композитора А. Николаева сочинить симфоническую поэму по рассказу «Судьба человека».

О.Г. Верейский, художник-график, в своей книге «Встречи в пути» описал свою работу над иллюстрациями для книги «Тихий Дон»: «Те годы я как будто жил вместе с героями, созданными Шолоховым, засыпал и просыпался с мыслью о них... Михаил Шолохов так живо описал своих героев, что, зная их, как не знаешь близких знакомых, трудно ли изобразить их на бумаге?... Более двух лет продолжалась моя работа над «Тихим Доном». Я закончил ее в 1952 году. Когда я показывал готовые рисунки Михаилу Александровичу, не удержался и рассказал ему об этом охватившем меня ощущении утраты, он признался, что испытал подобное чувство, дописав последние строки «Тихого Дона». Он сказал: «Оказалось, что уже рассветло. Я погасил лампу и почувствовал такую пустоту, такую беспросветную тоску...». В последние годы я не раз возвращался к произведениям Шолохова. Я делал рисунки к «Поднятой целине», «Донским рассказам», к его книгам, созданным в военные годы. Но моя первая встреча с первой книгой Шолохова – «Тихим Доном», как первая любовь, не забудется» [4, с. 141].

Вышеизложенные факты говорят о том, что автор «Тихого Дона» был самобытным и полнокровным лириком, оказавшим мощное воздействие на чувственное восприятие мира современниками.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бондарчук С.Ф. «Судьба человеческая – судьба народная» // Михаил Шолохов в воспоминаниях, дневниках, письмах и статьях современников. – Кн. 2. – 1941-1984 гг. / сост., вступ. ст., коммент., примеч. В. В. Петелина. – М.: Шолоховский центр МГОПУ им. М. А. Шолохова, 2005. – 972 с.
2. Бондаренко В.Г. Очарованный странник Виктор Лихоносов // Завтра, № 41(516), от 08.10. 2003. Режим доступа: <http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/03/516/72.html>
3. Васильев С.А. Слово редкой красоты // Михаил Александрович Шолохов. – М.: Правда, 1966. – С. 75-77.
4. Верейский О.Г. Встречи в пути. – М., 1988. – С. 141.
5. Грибачёв Н.М. Цельность характера // Слово о Шолохове. – М., Правда, 1973. 543 с. – С. 177.
6. Гура В.В. Жизнь и творчество М. А. Шолохова: пособие для учителей. – М.: УЧПЕДГИЗ, 1955. – 208 с.
7. Дворяшин Ю.А. М. Шолохов: грани судьбы и творчества. – М.: Синергия, 2005. – 224 с.
8. Джибладзе Г.Н. Дни, проведённые с Шолоховым // Михаил Шолохов в воспоминаниях, дневниках, письмах и статьях современников. – Кн. 2. – 1941-1984 гг. / сост., вступ. ст., коммент., примеч. В.В. Петелина. – М.: Шолоховский центр МГОПУ им. М.А. Шолохова, 2005. – 972 с.
9. Закруткин В.А. Цвет лазоревый // Слово о Шолохове. – М.: Правда, 1973. Ред.-сост. М. Андриясов. Под общ. ред. А. Софронова. – 543 с.
10. Кожин В.В. Победы и беды России. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 512 с.
11. Корниенко Н.В. «...Душою плачешь и смеёшься от души». Письма читателей Михаилу Шолохову, 1933-1938. // Наш современник. – 2004. – № 5. – С. 218-256.
12. Корниенко Н.В. «Сказано русским языком...». Андрей Платонов и Михаил Шолохов: встречи в русской литературе. – М.: ИМЛИ, 2003. – 536 с.
13. Крупин В.Н. В гостях у М. А. Шолохова // Советская Россия. – 1957. – 25 августа. – № 201. – С. 4.
14. Кулиев К.Ш. Так растёт и дерево. – М.: Современник, 1975. – 463 с.
15. Микаява Я. Я была на шолоховской земле // Слово о Шолохове. – М.: Правда, 1973. Ред.-сост. М.

- Андриасов. Под общ. ред. А. Софронова. – 543 с.
16. Межелайтис Э.Б. Дон и Неман // Слово о Шолохове. – М.: Правда, 1973. Ред.-сост. М. Андриасов. Под общ. ред. А. Софронова. – 543 с.
17. Осипов В.О. Шолохов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 639 с.
18. Пасынков Л.П. Останется! // Слово о Шолохове. – М.: Правда, 1973. Ред.-сост. М. Андриасов. Под общ. ред. А. Софронова. – 543 с.
19. Первенцев А.А. Во главе школы // Слово о Шолохове. – М.: Правда, 1973. Ред.-сост. М. Андриасов. Под общ. ред. А. Софронова. – 543 с.
20. Пермитин Е.Н. Русский, народный... // Слово о Шолохове. – М.: Правда, 1973. Ред.-сост. М. Андриасов. Под общ. ред. А. Софронова. – 543 с.
21. Прийма К.И. «Тихий Дон» сражается. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Сов. Россия, 1975. – 544 с.
22. Примеров Б.Т. Избранное. Стихотворения. Поэмы. – М.: Худож. лит. 1989. – 168 с.
23. Фортунатов Н.М. «Образы чувства» в прозе Толстого и Шолохова (К проблеме выразительной формы) // Яснополянский сборник. – Тула: Приокское книжное издательство, 1968. – С. 138-150.
24. Хватов А.И. По страницам «Тихого Дона» // «Тихий Дон» Шолохова в современном восприятии. Шолоховские чтения. – Ростов – на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1992. – С. 5-13.
25. Хорошева З.Я. Песенно-фольклорный материал на страницах романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» // Вёшенский вестник: сборник статей и документов. – № 5. – Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2005. – 288 с.
26. Ячнева М. Произведения М. А. Шолохова в искусстве // Вёшенский вестник: сборник статей и документов – № 5. – Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2005. – 288 с., с ил. – С. 240.

УДК 821.161.1 Русская литература

Шлома Е.С.

Московский государственный областной университет

ПОЭТИКА ПРИРОДНЫХ МИКРОМИРОВ В ПРОЗЕ ВИКТОРА АСТАФЬЕВА*

E. Shloma

Moscow State Regional University

THE POETICS OF NATURAL MICROCOSMS IN VIKTOR ASTAFYEV'S PROSE

Аннотация. Пристальное внимание к малым созданиям природы – отличительная черта творческого метода Виктора Петровича Астафьева. В своих произведениях писатель мастерски создает настоящие «портреты» природных микромиров – растений, животных, птиц и насекомых. Интерес писателя ко всем, даже малейшим проявлениям жизни в окружающем мире обусловлен его образом мыслей, крестьянским по своей сути. Статья посвящена исследованию поэтики природных микромиров. Выявляются и характеризуются выразительные средства, которые использует Астафьев: олицетворения, эпитеты, диалектизмы, ритмизация текста и другие. Прослеживается эволюция поэтики микромиров: от первых подступов автора к их изображению в ранних произведениях до глубокой нагруженности природных образов социальными смыслами в поздней прозе.

Ключевые слова: Виктор Астафьев, поэтика, изображение природы, олицетворение, лиризм, тропы, выразительность

* © Шлома Е.С.